

IZVESTIA DE LA SOCIÉTÉ RUSSE DE GÉOGRAPHIE
VOL. LXII RÉDACTEUR EN CHEF V. L. KOMAROV NIV

**ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАДЕМИК В. Л. КОМАРОВ

ТОМ LXII
ВЫПУСК IV

W243

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО . 1930

✓ Остатки культа сядаев у самоедов.

В. Н. Андреев.

В данной заметке я касаюсь вопроса о местах жертвоприношений у самоедов, их географического распространения и связи подследного с кочевками и способами хозяйствования. Здесь я коснусь лишь самоедов Канинской тундры, причем в основу положены как литературные данные, так и собственные наблюдения, произведенные летом 1928 г. Прежде всего должен заранее оговориться, что картина распространения жертвенных мест Канинской тундры и некоторые выводы, вытекающие отсюда, я за пределы указанной области не распространяю, но склонен считать, что подобный характер можно наблюдать, вероятно, и у самоедов других тундр.

Данные по этому вопросу в литературе очень скудны. Объясняется это в первую очередь тем, что подавляющее большинство путешественников и исследователей дальнего севера были естествоиспытатели. Лишь сравнительно очень небольшое число лиц имели объектом своего изучения самоедов. На основании главным образом наблюдений Кастрена (Castren), Иславина, отчасти Шренка мы имеем общее представление о быте, обычаях и верованиях этих северных кочевников. Что касается верований, то в общих чертах они представляются нам в следующем виде.

Бог по-самоедски „нум“. Просьба, обращенная к нуму, передается лишь через посредство тадебцио — мира духов. Духи не могут быть осязаемы, видимы и слышимы простыми, не посвященными людьми, с ними ведут переговоры особые посредники — тадибы. Искусство тадиба дается не всякому, и ему учиться нужно с детства. Тадибов не много, и теперь они большая редкость. Кроме тадебцио, подчиненных нуму, существует на земле для всех доступные и также подчиненные нуму „хаэ“ (хэге). Хаэ — духи, воплотившиеся в какие-либо материальные, искусственные или естественные предметы.

Особенно много хаэ на о-ве Вайгаче в Полярном море. У самоедов Вайгач носит название Хаэ-о (святой о-в) и Хаэ-я (святая земля) (6, стр. 18, 16). Здесь на Балванском мысе (Хаенсале, 10, стр. 311) находится знаменитый балванский утес. У очень оригинально выдолбленной морскими волнами скалы стоит главный хаэ — камень, напоминающий по форме человеческую фигуру, голова которой остроконечна.

Самоеды его называют, как указывает Кастрен, „ja jęgu Nahe“, т. е. хаэ господин, земли (15, стр. 200) между тем В. Иславин приводит название „уэсако“ (6, стр. 117). Вероятно, фини Кастрен с его изощренным фонетическим слухом лучше передал самоедское название. Подобных хаэ, но меньших размеров, на о-ве около 20. „Балваны“ Вайгача существуют уже с давних пор. Еще в 1556 г. английский мореплаватель Стефф Барроу (Barrow) посещает, а затем дает описание этого удивительного места. В 1594 г. его посещают голландцы. Из русских первым, повидимому, упоминает об этом шкипер Иванов, производивший опись берегов океана к востоку от устья р. Печоры (7, стр. 236). Затем в 1837 г. „ja jęgu Nahe“ и 420 окружавших его маленьких идолов были сожжены миссионерами (6, стр. 117). Через 10 лет после этого Александр Шренк посещает о-в и находит на нем рядом с крестом миссионеров вновь появившихся идолов и следы жертвоприношений в виде оленьих черепов в копыт (10, стр. 311—316).

Подобные естественные хаэ известны еще в нескольких частях тундровой полосы. Материальной стороной духа может быть не только скала или камень, похожие на человеческую фигуру, но и дерево и другие предметы. По представлению самоедов сыновья вайгачских хаэ находятся на Сев. Урале, на Ямале и на юге Канинского пол-ва. Находящийся на последнем расположен в 10 км от дер. Семжи (почти крайней северной русской деревни, в 40 км от гор. Мезени, на западном побережье полуострова) в так называемом „Кузьминном перелеске“. Здесь около большого камня было множество деревянных истуканов, которых также сожгли миссионеры (6, стр. 119). Это место, однако, и после долго пользовалось известностью у самоедов, живших от Белого моря до Уральских гор. Учитель Канинской школы в селе Несь в 1894 г. так описывает его: „... множество деревьев этой роши увешены сукоными и цветными лоскутками разных сортов и стеклянными побрякушками; но идолов, кажется, нет; вероятно, их самоеды привозят и обратно увозят с собой, чтобы кто не украл и не надругался над ними... Самоеды ездят туда по обещанию: или во время болезни, или в благодарность за богато удавшийся промысел и т. п... Главная жертва состоит из оленя, мясо которого съедается самими самоедами... а кровью, вероятно, мажут губы идолу“ (9, № 98).

По образцу главного хаэ Вайгача самоеды из дерева начали делать себе небольшие его изображения, палка 2—5 см в диаметре и в 1 м дл., в верхней части вырезана остроконечная голова с глазами, носом и ртом. Такие изображения носят название сядаев (sjadaei) от слова ся (sja) — лицо человека (15, стр. 220; 16). Бывают они иногда одеты, иногда без всякой одежды. Их можно встретить только в тундре, и указание Кастрена на их хранение в чумах в особых санках у язычников основано, очевидно, на недоразумении; здесь, вероятно, имели место особые хаэ — н'ытирма, сделанные в память об умерших предках (6, стр. 116). В то время как к хаэ Вайгача или других мест обращаются периодически и обычно с одинаковыми трафаретными просьбами, просьбы, обращенные к сядаям, носят другой характер. Жертвы, прино-

симые хаэ, сопровождаются выражением общего желания о хорошем промысле, о здоровье оленьих стад и т. д. Приносятся на Вайгаче они при перекочках самоедов весной с материка и осенью с о-ва на материк. На юге Канина также приносятся жертвы при возвращении из тундры (1, стр. 23). К сядаям же обращаются не периодически и лишь в случае какой-либо нужды. Просьба имеет в виду какую-либо вполне конкретную цель. Сядаи иногда не посещаются годами и к ним обращаются лишь в случае какого-либо бедствия или перед предприятием, удача которого зависит от ряда случайных непредвиденных обстоятельств. Обычно во время таких обращений приносится жертва в виде одного или нескольких оленей. В зависимости от просьбы и значения, придаваемого ответу, и материального состояния самоеда, находится размер этой жертвы и ее качество (бык, важенка, теленок). Сядаям мажут „губы“ кровью только что задавленного веревкою оленя и сжигают перед ними часть шерсти со шкуры; кровь выпивают и мясо съедают сами самоеды, причем сядаям оставляют лишь голову, ноги и обглоданные кости.

В тундрах есть определенные места, где совершается этот обряд и где находятся сядаи. В Канинской тундре, помимо указанного выше „Кузьмина перелеска“, расположенного в южной части пол-ва и имеющего несколько отличный характер от мест сборища сядаев, имеется ряд жертвенных мест. Канинский пол-в, в виде довольно узкой, изогнутой полосы, вытянулся с юга на север, причем в северной части он значительно расширяется, и расстояние между крайним NW — мысом Канинным носом и крайним NO — мысом Микулкиным на Чешской губе достигает 170 км. С этим направлением совпадает длинная ось невысокого (около 150 м над ур. м.) хребта, сложенного серыми и темносерыми кристаллическими сланцами, выходящими на дневную поверхность лишь по склонам хребта, достигающего наибольшей высоты в западной части. На этом Канинском камне или по-самоедски Паэ-хой и сосредоточены почти все жертвенные места. Эта часть полуострова наиболее дикая и наименее доступная из всех остальных. И, действительно, хотя Канинская тундра начала изучаться одной из первых, чем она обязана большой протяженности береговой полосы, но ее внутренние части, в особенности северные, долгое время оставались неизвестными (20). Самоедское население Канина подверглось изучению в южной части пол-ва, куда оно направляется на зиму. Так, например, лингвист Кастрен (1842 г.) зимой посетил Канин и проехал из г. Мезени вдоль западного берега через д. Семжу до с. Несь, откуда направился в Тиманскую тундру (15). Также и В. Иславин (1844 г.), изучавший самоедов по поручению министерства госуд. имуществ, летом проехал на оленях также вдоль западного берега до Шомоховских сопок и обратно (4,5). Эти исследователи собрали богатый этнографический материал, и наши общие представления о самоедах основываются частью на фактах, собранных на Канине. Однако, ни один из исследователей жертвенных мест не видел. Данные о последних целиком собраны натуралистами. В их работах обычно среди описаний топографического характера встречаются указания на разбросанные там и здесь

„сопки“, на которых совершаются жертвоприношения или, во всяком случае, находятся сядай.

Первым обратил на них внимание К. И. Гревингк (1848 г.). Геолог и минералог Гревингк, обогнувший Канин и пересекший несколько узких мест северной части полуострова на оленях, в своем дневнике (12) указывает большое число жертвенных мест. Одним из недостатков, в общем хорошей, работы Гревингка является то, что в ней не отделяются собственные наблюдения от сведений расспросного характера и поэтому, лишь сопоставляя его данные с его маршрутом, можно сказать, что он видел сам и что записано со слов проводников и встречных самоедов. Без сомнения, он побывал на следующих пунктах: 1) Корытина сопка (севернее рр. Хангенезе и Серпанезе), на восточном склоне которой встретил остатки старых самоедских идолов и жертвенных оленей; 2) на северном склоне Паэ-хой близ истоков р. Аксентьев на Канином Носу он обнаружил глыбу серого кварцита, окруженную 200 идолов, черепами оленей, медными пуговицами, тут же и остаток шаманского барабана; 3) третьим местом является гора Немехуде на северном склоне Паэ близ края недалеко от р. Крынки. Здесь, он говорит, также происходят жертвоприношения. Затем приводится ряд „сопок“, где, как видно по маршруту, он не был и где, по его словам, происходят также жертвоприношения. Это следующие места: Норинская сопка (в истоках р. Камбальницы), Бабья сопка (у Бабьей реки), Тертала (за р. Рыбной), у р. Спускской и на Балванской сопке, 680 в. от мыса Микулкина. Это относится к категории расспросных сведений, — категория, которой, к сожалению, до сих пор приходится пользоваться в широком масштабе. Совершенно неясным является, где находятся Бабья сопка, Балванская и у р. Спускской, так как эти названия теперь не существуют (Балванская сопка есть, но не эта). В дальнейшем к этому перечню прибавилось очень немного. А. И. Якобий (1890), проехавший вдоль западного побережья Канина до Полярного моря, в своем очень красочно написанном отчете указывает лишь на одну сопку по своему маршруту близ р. Б. Кии „где стояли прежде „балваны“ (идолы самоедские), а у ее подножия проходит большой, еще со старых времен, летник (летняя дорога в тундре) (11, стр. 14). Здесь, повидимому, жертвоприношения не возобновлялись, и ее известность постепенно исчезла (2). Р. Поле, между прочим, упоминает в прекрасной работе о растительном покрове Канина (1903 г.) о жертвенном месте на Северном склоне Паэ, с 30 идолами, окруженными остатками костей оленей и тюленей. Это, по его мнению, самое западное в Европе место жертвоприношений (17, стр. 34). Данный жертвеник относится ко второму, указанному Гревингком, в чем я убедился при его посещении и сравнении с фотографическим снимком Поле (8, стр. 323). Геолог В. Рамзай (1903 г.) в отчете финляндской экспедиции на Канин описывает свое посещение „самоедского храма“, где пол — каменистая равнина, купол — небесный свод, а алтарь — высокая крутая скала. Находится он близ р. Крынки у северного склона Паэ (18, стр. 19). Это художественное описание отно-

сится опять-таки к упомянутому Гревингком жертвенику на горе Немехуде. По словам Рамзая, самоеды называют это жертвенное место Поммокодье (Pommokodje).

Летом 1928 г. мне пришлось с ботаническими целями исколесить на оленях всю северную часть Канинской тундры. Я побывал почти на всех жертвенных местах. Очевидно, что неверие самоедов к русским еще далеко не рассеялось, и о своих жертвенниках и сядаях они не очень любят говорить, а тем более вдаваться в подробности. От них редко услышишь два-три иронических замечания о когда-то бывших сядаях, и только. На все жертвенные места я попадал случайно и затем лишь post factum узнал у самоедов некоторые подробности. На только что вышеупомянутом жертвенике я побывал в середине августа. На Канине это наиболее известное место жертвоприношений, и у русских оно известно под названием Балванских сопок (14, стр. 25). Крайне интересно, что две речки на водоразделе, между которыми лежит это место, у самоедов носят другие названия, чем те, которые даны русскими промышленниками на морского зверя в этой части Полярного моря. Балванская речка носит название Гейяга, что представляет буквальный перевод самоедского названия (hahe и jaha — река). (16). Речка Крынка называется Пеммоговей, что находится опять-таки в тесной связи с жертвенным местом. Что означает это название, я не мог выяснить. Название сопки к этому месту не подходит, так как под последним понимается землястый холм (песчаные дюны супесчаные холмы моренного характера и т. д.) и, как видно, по-самоедски это не холм (на юрацком наречии холм — hoï — хой). „Балванские сопки“ в виде вертикальных, скалистых зубцов поднимаются у подошвы северного склона Канинского хребта. Среди 5—6 вершин наивысшая поднимается на 12—15 м. От постепенно поднимающегося склона хребта они отделяются глубокими и узкими долинками (10—15 м гл., 5—20 м ширины), которые, очевидно, весной представляют русла ручьев. Зубцы состоят из темного мрачного филлита (кристалл. сланец). На одном из них уже издали бросается в глаза белое пятно на уступе, на высоте 2 м от подножия. При приближении оно оказывается кучей костей. Когда я добрался до нее, то меня поразила столь сильный запах, что я заколебался — лезть ли мне дальше? Небольшая земляная площадка на уступе вся была пропитана кровью, рядом лежала куча оленьих внутренностей, в том числе несколько желудков. Около кучи старых побелевших костей полукругом лежали свежие, неразбитые кости: ребра с позвонками, берцовые и проч.; между ними на земле было положено несколько оленьих голов с кожей, с большими выпуклыми глазами, с рогами, с шерстью. За барьером костей прислоненные к скале находились деревянные сядай. Среди них посередине стоял один, отличавшийся от всех других присутствием костюма. Этот сядай, как и все, был сделан из палки в 1 м дл. и 2,5 см в диаметре. Его малица из зеленого сукна с пандами¹ оленьего меха, с меховым

¹ Панды — по-самоедски край одежды.

воротником, из которого выставлялась остроконечная голова, посередине была перетнута красным суконным кушаком. На ней были рукава, хотя рук у сядея не бывает. Вся малица в длину едва достигала 10 см. Судя по свежей палке и по новизне костюма, этот сядей был поставлен совсем недавно. Среди 5—6 десятков остальных несколько были также новыми, но большинство имело очень древний вид, и многие уже рассыпались. На „губах“ всех были сгустки крови и куски сала. Жертва, принесенная, повидимому, всего лишь несколько дней назад, состояла из 3—5 оленей. Вызвана она была, что является наиболее вероятным предположением, эпизоотией копытной болезни, охватившей весь север Канинского пол-ва и причинявшей большой урон в самоедских стадах. Время жертвоприношения совпадало с разгаром эпизоотии.

Кроме этого наиболее крупного места жертвоприношения, единственного ныне функционирующего, я побывал у жертвенника близ истоков р. Аксентьев. Здесь, на побережье Полярного моря, в сырой болотистой лощинке к северу от хребта Паэ, лежит большой камень (очевидно, валун и, во всяком случае, глыба, не находящаяся в коренном залегании). Она состоит из серого крупнозернистого кварцита, выставляется из почвы на 3 м и имеет в диаметре около 5 м, форма более или менее округлая, поверхность заросла лишайниковыми разноцветными пятнами. Кругом камня стоят прислоненные к нему, частью воткнутое в землю сядан обычной грубой выделки. Некоторые с двумя рядами поперечных засечек, напоминающих ребра. Высота 80—100 см. Всех их 20—25 штук. Очень старые, многие почти совсем сгнили, а у большинства трудно различить на остроконечной голове надрезы глаз, рта и пр. С NNO к камню прислонена куча оленьих черепов с рогами и разбитые оленьи кости. Многие черепа одеты на воткнутое в землю кольцо. С южной стороны также лежит несколько черепов, сильно разрушенных и позеленевших. Это место упоминается Гревингом, а затем Поле. Число идолов в 1848 г. было 200, в 1898 г. — 30, в 1928 г. — 20—25. На следующей день я у самоедов узнал, что камень этот носит название Хайса, и около него уже давно перестали приносить жертвы.

Недалеко от Хайса на северном склоне Паэ-хой на правом берегу р. М. Сяптона находится еще один жертвенник. В нескольких сотнях метров от стены хребта на каменистом пологом склоне вздымаются зубцы скал (картина, сходная с Балванскими сопками). Между ними образуется ряд ущелий; в одном из наиболее узких я наткнулся в расщелине на ряд приставленных к каменной стенке сядея. Их было около 20 штук. Они были так же древни и так же окружены кучей разбитых костей и черепов с рогами, как и у Хайса. Это место до сих пор никем еще не отмечалось.

Что касается указанных Гревингом жертвенных мест на Норинских сопках (правильнее Неросьеды) и сопках Гертола (правильнее Гертолка), то я там был и ничего не нашел, — вероятно, они уже исчезли бесследно.

Таким образом в настоящее время в северной части Канина сохранилось лишь 3—4 жертвенных места, и из них посещается лишь одно. Это будут

(см. карту): 1. „Балванские сопки“ (Поммокоды) между речками Гейяга и Поммокодея на северном склоне Паэ-хой. 2. „Хайса“ близ истоков р. Аксентьев у северного склона Паэ. 3. Жертвенник у р. М. Сяптона на северном склоне Паэ. 4. „Корыгина сопка“ между рр. Серпанезе и Хангенезе (правильнее, вероятно, читать Хазнезе, т. е. ручей хаэ) на SW склоне Паэ. И к исчезнувшим уже относятся: 5. Жертвенник на сопках Неросьеды на северном склоне Паэ, близ истоков р. Камбальницы. 6. Жертвенник на сопках Тертолка на северном склоне Паэ. 7. „Вострая сопка“ на западном берегу близ р. Кию.

Оказывается, таким образом, что почти все места жертвоприношений приурочены к хребту Паэ-хой. Объяснить такое распределение случайными причинами, мне кажется, нет оснований. Объяснение топографическими условиями местообитания также неудовлетворительно, хотя в пределах небольшого района эти условия играют, по всей вероятности, решающую роль. Вероятно, причина другая и кроется в распределении самоедского населения.

Далеко не все самоеды Канина кочевники. Все более или менее самостоятельные хозяйства распадаются на две группы. Первая основная и более древняя — самоеды-оленоводы. Это типичные кочевники, всем своим бытом и укладом жизни тесно связанные с оленем. Для них охота и рыболовство лишь побочные занятия. Их хозяйство главным образом натуральное и по существу может им быть вполне. Вся их жизнь проходит в непрестанных кочевках. 1½—2 летних месяца они проводят со своими стадами на платообразной вершине Канинского хребта в небольших и частых перекочевках. Низкое побережье Полярного моря ими не посещается из-за ужасных мучений от комаров. Страдают главным образом животные и косвенно самоеды. В конце августа начинается движение на юг. Стада сходят с хребта и гонятся главным образом вдоль западного побережья к лесам, которые достигаются лишь в декабре. Здесь по пути нигде особенно долго самоеды не останавливаются. В лесах перекочевки совершаются небольшие и не чаще двух раз в месяц. А в феврале, в марте снова на север, снова в тундры. В июле вновь вступают на хребет, местами еще покрытый снегом.

Но, кроме этой группы самоедов-„оленьщиков“, существует другая, менее многочисленная, группа так называемых „едомских“. Это по преимуществу, без-или малооленные самоеды. Если в стаде менее 100 голов, то хозяйства с ними вести нельзя, и их укрупняют либо путем отдачи к многооленному самоеду, либо сливая несколько мелких стад в одно и отдавая их одному из хозяев на летнее время. Такие самоеды принуждены сесть на „домо“, т. е. устраиваются где-либо в устье реки, занимаются рыболовством и частью охотой. Их хозяйство главным образом товарное: рыба и зверь идут не столько для личного потребления, сколько на рынок, т. е. отдаются в фактории за разного рода необходимые припасы для охоты, редко для рыболовства и чаще всего съестные припасы (мука, сахар и пр.).

Главным образом мы встречаем „едомские“ хозяйства в устье р. Камбальницы, где сосредоточено было летом 1928 г. 28 чумов; небольшое количество

притом не во все годы находится в устье р-р. Ойвы, Рыбной, Медахи и некоторых других рек северного Канина. С рек восточного и западного побережья их выгнали русские промышленники. Около двух месяцев живут на морском побережье в прочно поставленных чумах «едомские» самоеды. Осенью уже по санному пути направляются они частью на своих оленях, частью на вьюках у оленеводов, по большой тайболе (летняя дорога) от устья Камбалы в горы. Мезень через весь пол-ов. Их багаж состоит главным образом из рыбы в гор. Мезень идет на расчет с оленеводами, у которых брались бочек с рыбою. Рыба идет на расчет с оленеводами, у которых брались олени, которые пасли их стада, которые снабжают их мясом и т. д., а часть идет, как сказано выше, в фактории. Зимой они, по большей части, так же как и летом, оседают на одном каком-либо месте, обычно вблизи русских лесных деревень, и живут скудными летними запасами и приплодом небольшого стада. Эта категория самоедов растет, и если перепись 1897 г. установила всего лишь несколько таких хозяйств (13), то теперь их насчитываются десятки. Если раньше оленеводы отправлялись в устья рек на несколько дней порыбачить, то теперь они там оседают на месяцы и перестали быть оленеводами.

С таким расчленением самоедского населения тесно связано распространение жертвенных мест. Прибрежная полоса, населенная рыбаками, совершенно лишена жертвенников, и, наоборот, все жертвенничество с нумом через в районе летних кочевков оленеводов. Очевидно, посредничества населения, сыдаев является специфической особенностью оленеводческого населения.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Жилинский А. А. По самоедскому берегу. Архангельск, 1923.—2. Житков Б. М. По Канинской тундре. Отчеты экспедиции Р. Г. О. на Канин пол-ов в 1902 г. П. 1904.—3. Зограф Н. Ю. Естественно-исторические наблюдения во время поездки на Канин пол-ов. Там же, XXXVII, в. 1.—4. Иславин Вл. Кочевание по самоедским тундрам в 1844 и 1845 гг., ч. 1. Журнал военно-учебных заведений. 1849 г., т. 78, № 310.—5. Иславин Вл. Рассказ о кочевании по тундрам самоедским в 1844—45 гг. „Современник“, т. VIII, 1848, ч. 1.—6. Иславин Вл. Самоеды в домашнем и общественном быту. П. 1847.—7. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. 1828.—8. Гауфидель Г. И. Главнейшие черты растительности России. Вып. 3, Варминг. Распределение растений. П. 1903.—9. Турнин В. Остатки языческих верований и обрядов у канинских самоедов Мезенского у. Арханг. губ. „Арханг. губ. ведомости“ 1894 г., №№ 47, 48, 92.—10. Шренк Ал. Путешествие к северо-востоку Европейской России. П. 1855.—11. Якобий А. И. Канинская тундра. Тр. Общ. Ест. при Казанском ун-те, т. XXIII, в. 1, Казань. 1891 г.—12. Путешествие на пол-ов Канин К. И. Гревингга. Дневник, изданный под ред. Ф. И. Чернышева. Приложение к XVII т. записок Академии наук № 11, П. 1891.—13. Самоеды Тиманской и Канинской тундр. Памятная книжка Арх. губ. на 1908 г. Арх. 1908.—14. Тундры Архангельской губ. и Автоном. обл. Коми (зырян). Архангельск. 1924.—15. Castren M. A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. P. 1853.—16. Castren M. A. Wörterverzeichnis aus den Samojedischen Sprachen. P. 1855.—17. Pohle Rich. Pflanzengeogra-

phische Studien über die Halbinsel Kanin. Acta Horti Petropolitani. T. XXI. P. 1993.—18. Ramsay W. und Poppius B. Bericht über eine Reise nach der Halbinsel Kanin im Sommer 1903. „Fennia“ 21. Helsingfors. 1903—1904.—19. У самоедов Канинского пол-ва. Перевод отчета Рамзая в части, касающейся быта и верований канинских самоедов. Пер. И. В. Альфонсов. Изв. общ. любит. арх., истории и этн. при Казанском ун-те, т. XXIII, в. 6.—20. Saweljew A. S. Die Halbinsel Kanin. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausg. von A. Erman. X 18. Berlin. 1852.

The remains of the siaday worship among the Samoyedes.

By V. N. Andreyev.

Summary.

The worship of the siaday (saday) is one of the most important features of the Samoyede creed. The siaday are wooden effigies of certain genii—an intermediate class between Man and God (Noom), and it is to them that prayers of a concrete nature are directed. They are found in different to them.

While exploring the Northern part of the Kanin peninsula the author happened to discover 3 such collections of idols. Mention has been made by previous investigators of 4 more, which however could not be found by the author. At present sacrifices are being offered in only one place „Balvanskye sopki“. All but one of the sanctuaries are situated on the table land Pae-Hoy. The distribution of these sacred spots is closely connected with the grouping of the Samoyede population (see Map). The Northern part of the Kanin peninsula is inhabited only in summer. The table land Pae-Hoy being occupied by nomad reindeer-breeders, while along the coast of the Polar sea the settled fishing population „yedomysl“ centres of the mouths of the rivers. The latter is a comparatively new formation and owes its origin chiefly to the splitting of the Samoyedes in to classes, based on economical reasons.

The siaday-worship seems to be confined to the main group of prosperous reindeer breeders of the Kanin peninsula.